

ИННОКЕНТИЙ
ОМУЛЕВСКИЙ

НОВЫЙ
ГУБЕРНАТОР

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
О-57

Омuleвский, И.В.

О-57 Новый губернатор / И.В. Омuleвский. – М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 190 с. – (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-66338-0

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Иннокентия Васильевича Омuleвского «Новый губернатор».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-66338-0

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРОЖНЫЙ ХУДОЖНИК	5
I. Оловянная кружка	5
II. Оригинальный подарок на память	16
III. С глазу на глаз	25
IV. Прерванный сеанс	34
V. Предел, его не преjdeши	39
БЕЗ КРОВА, ХЛЕБА И КРАСОК	46
I. В ожидании рокового часа	46
II. Резиденция барышни Аннушки	54
НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР	69
Часть первая	69
I. «Сердце губернии» замерло	69
II. Отчего замерло «сердце губернии» и отчего именно оно — «сердце губернии»	73
III. Совершенно что-то непонятное для нас	79
IV. Губернский город волнуется	86
V. Вечер у мадам Матюониной	96
VI. Глава губернии и «сердце губернии»	108
VII. Первый доклад у нового губернатора	114
VIII. Речь его превосходительства	120

СОДЕРЖАНИЕ

IX. Новый губернатор у себя в канцелярии	130
X. Первые казусы	136
XI. Частный пристав второй части улыбается	154
УЧЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ	161

ОСТРОЖНЫЙ ХУДОЖНИК

I. ОЛОВЯННАЯ КРУЖКА

Был у меня один школьный товарищ, по фамилии Седаков, очень неглупый малый, но большой чудака и добряк, которого я, вскоре по выходе из гимназии, как-то потерял из виду. Оно и немудрено: ему пришлось остаться на родине, коротать неприглядную будничную жизнь, а меня потянуло в неведомую даль, в столицу, за новыми впечатлениями. Правда, изредка мне удавалось слышать о нем кое-что случайно: знал я, например, что он сперва подвизался где-то в качестве столоначальника, потом учительствовал и наконец определился в военную службу юнкером, — но вот и все. Только через много лет я напал на его настоящий след, и вот каким образом.

Это было давно, в одну из моих сибирских поездок, раннею весной, в самую отчаянную распутицу. За бездорожьем и усиленным разгоном лошадей мне предстояло высидеть чуть ли не целую неделю на какой-то убогой станции. На другой же день этого злополучного сиденья, утром, я разговорился с приветливым старичком смотрителем о его станционном житье-бытье, которое, как оказалось, всегда вернее можно было охарактеризовать собственными словами моего собеседника: «просто хоть пропадай со скуки».

— Вот только и отведешь душу, как побываешь раза два в месяц у соседнего этапного командира Седакова. Такие они люди, что, кажется, век бы с ними не расстался! — заключил он восторженно.

— Позвольте!.. — встрепенулся я в свою очередь. — Какой это Седаков? как его зовут?

— Михайло Кондратьич, а ее — Ольга Максимовна.

— Не служил ли он раньше в гражданской службе?

— И по гражданской служил, и учителем после был; тоже помаялся на своем веку-то, — пояснил смотритель.

— Ну, так и есть! Знаете ли? ведь это, оказывается, мой любимый товарищ по гимназии, — сказал я, искренно обрадовавшись. — Где же он живет? далеко отсюда? Мне бы гораздо приятнее было, извините, погостить у него, чем у вас: мы с ним сколько лет не видались.

— Вот ведь какой случай, право... — как-то суетливо, даже будто растерявшись, произнес смотритель.

— Далеко ли это отсюда? — повторил я снова, не поняв сразу причины его суетливости.

— Да, живет-то Михайло Кондратьич недалеко, на той вот самой станции, откуда вас сюда привезли. Там, знаете, село большое, так потому и этап; острог-то будет в самом конце, может, видели? А я вот о чем помышляю: какое это ему-то было бы утешенье! Этакого-то дорогого гостя встретить! да еще из Санкт-Петербурга! Мы ведь тут как медведи живем. Эко горе, право!.. насчет лошадей-то.

Старичок на минуту весь углубился в себя, а потом снова засуетился еще больше.

— Стойте-ка! — закричал он вдруг и даже привскочил на стуле. — Есть у меня тут в запасе курьерская троечка... ли-

хая... подь и всего-то двадцать две версты... Эх! да уж куда ни шло: для милого дружка, пословица говорит, и сережка из ушка. Только уж, пожалуйста, и я с вами: не утерпеть мне, лично доставляю.

Я, конечно, был очень рад. Через час мы уже выезжали со станции в легкой смотрительской повозке, захватив с собой только мой небольшой чемоданчик с бельем. Совершенно размокшая от двухдневного дождя, глинистая дорога шла все в гору, колеса то и дело вязли по ступицу, наша «лихая троечка» буквально ползла, и мы эти двадцать две версты ехали более четырех часов.

— Рискую... ей-богу, рискую! — чуть не на каждой версте тревожно уверял меня мой обязательный спутник. — А ну как, да несчастье, да генерал-губернаторский курьер прибежит? Ведь тогда хоть по миру иди и не кажи лучше глаз в почтовую контору. А не могу для Михаила Кондратьича не уважить: вот они какие люди!

Интересуясь школьным приятелем и прежде, теперь я еще больше заинтересовался им и, от нетерпения и любопытства, едва дождался конца пути. Уже вечерело, когда мы завидели первые домики Осиновоколкинской станции или, вернее, села Осиновые Колки, а между тем оно было растянуто на целую версту, и нам еще приходилось сделать ее, чтобы достигнуть этапа. К счастью, здесь пошел уже гораздо более твердый грунт дороги, и кони прибавили шаг.

— Вон и сам майор налицо, — указал мне рукой смотритель, едва мы поравнялись с высоким заостренным частоколом острога, выкрашенным казенною желтой краской.

В самом деле, на невысоком крыльце продолговатого, в виде ящика, и такого желтого деревянного здания стояла

коренастая фигура в расстегнутом до рубашки военном сюртуке, без шапки, заслонившая широкой ладонью глаза — должно быть, от отблеска мокрой дороги. В этой фигуре я бы не сразу узнал прежнего товарища: слишком уж он «заматерел», как выражаются иногда охотники о крепко сложенном волке. Лицо землистого цвета сияло, однако ж, прежним добродушием, а широкая улыбка все время держала полуоткрытым рот, точно она запуталась в густых и косматых черных бакенбардах.

— Узнаете меня, Седаков? — крикнул я ему, первым выскочив из повозки.

— Пойдите-ка, ну-ка, правое плечо вперед! — густым басом скомандовал мне майор и без церемоний повернул меня в профиль к себе своими сильными, как клещи, руками. — Э! вон оно что: нос-то этот с зарубкой мне памятен. Воистину, брат, следует облобызаться!..

И он радостно назвал меня моей бывшей школьнической кличкой, облапив не хуже сибирского медведя.

Минуту спустя я буквально был на руках внесен товарищем в комнату и в таком забавном виде отрекомендован его супруге. Ольга Максимовна оказалась совсем под стать мужу: высокая, мускулистая, с несколько грубоватыми манерами и почти мужской походкой, она так крепко пожалала мне руку, что у меня чуть пальцы не хрустнули.

— Как раз к самому чаю подъехали, — ласково прозвучал в моих ушах ее голос, от которого, судя по фигуре его хозяйки, я уже никак не ожидал той мелодичности и женственной мягкости, какая в нем слышалась.

— Раздевайтесь-ка поскорее, да и будьте как дома. Мы с Мишей попросту любим.

Когда она говорила это, большие темно-синие глаза ее смотрели так искренно, с таким выражением радушия, что совестно было бы даже и подумать о стеснении.

— Вот какую славную я себе бабенку подцепил, — не без гордости сказал мне Седаков, любовно провожая глазами жену, уходившую в соседнюю комнату. — Украл, брат, я ее... у родителей стащил! Раздевайтесь-ка, в самом деле, да осмотритесь на новом месте: раньше двух недель — ведомо бы вам было — я вас ни за что отсюда не выпущу, а в случае бунта... в острог запру.

Он добродушно захохотал своим густым басом и быстро вышел на улицу.

Я разделся, закурил папироску и стал осматриваться. В комнату еще не было подано свечей, но и при слабом свете наступавших теперь сумерек можно было определить, что она имела назначение приемной залы. Размеры ее были довольно обширны, обстановка самая простая: на окнах висели чистенькие кисейные занавески, а на особо приделанных широких подоконниках ютилось множество горшков с цветами; по стенам было размещено несколько солидных гравюр под стеклом. Над диваном, как раз против входной двери, висели рядом два портрета без рам, на одних подрамках — хозяина и хозяйки, писанные, очевидно, на холсте масляными красками: сгущавшиеся все более сумерки не позволяли судить о художественном достоинстве работы, но сходство лиц было поразительное.

Прошло минут десять — и в зале стало совершенно темно. Я приютился на диване и чуть было не задремал, утомленный четырехчасовым переездом по варварской дороге.

В комнате, должно быть смежной с соседнею, звякнули чайными ложечками.

— Что? не совсем еще ослепли? Хорошо мы вас на первый раз угостили? — окончательно вывел меня из забвения смеющийся голос хозяина, который незаметно подкравшись, ощупью отыскал мою руку в потемках. — Ключ, брат, потеряли от чулана, где у нас свечи держатся, так надо было пробой выдернуть. Пойдем-ка теперь на огонек.

Он крепко обхватил правой рукой мою фигуру и через темную гостиную провел меня в столовую, где кухарка только что вставила и зажгла свечи. На длинном столе кипел уже объемистый самовар, Ольга Максимовна расположилась как раз перед его краном, а рядом с ней сидел, с сияющим лицом, мой обязательный спутник.

— Пехоту пустим вперед, или прежде конной артиллерии прикажете сняться с передков? — обратился ко мне с неожиданным предложением Седаков, заботливо усадив меня возле себя.

Я не понял, о чем шла речь, и только вопросительно взглянул на него.

— А это по-ихнему значит: чай ли вы будете сперва кушать, или прежде по водочке пройдетесь? — любезно выручил меня из недоумения смотритель.

Я выразил желание начать с «пехоты».

— Артиллерию, стало быть, выдвинем к ночи? Резон! Со всех батарей будем жарить, чтобы к утру и следа, брат, не осталось от неприятельской крепости, именуемой трезвостью, — шуточно порешил хозяин. — А ты уж, Олюша, позаботься завтра о раненых, — хохоча, обратился он